УДК 327.1

Ю. Д. ГРАНИН,
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института философии РАН; Россия, г. Москва;
e-mail: *maily-granin@mail.ru*

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ ОСОБОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ?

Аннотация. *В статье анализируется проблема цивилизационной эволюции России. Предлагается понимание цивилизаций в качестве больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей), субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей. Цивилизации, доказывает автор, реализуют разные культурно-исторические типы развития, обладают сложной многокомпонентной структурой, воплощают в контексте всемирной истории потенциал разных возможностей и путей эволюции человеческих коллективов в прошлом и обозримом будущем.*

Изучая становление и развитие Великого княжества Московского, Российской империи и СССР, автор приходит к выводу, что исторически эти политические формы имели несколько цивилизационных воплощений: «православную цивилизацию» Московского царства (XVI–XVII вв.), «цивилизационную псевдоморфозу» империи Романовых в XVIII и середине XIX века, «гибридную цивилизацию модерного типа» России кануна Первой мировой войны и «советскую цивилизацию», представлявшую альтернативный Западу тип модерного развития. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но не является целостным цивилизационным образованием. Скорее, она представляет собой цивилизационный гибрид, причудливо сочетая элементы архаики, советского прошлого и западной современности.

Ключевые слова: *государство, идеология, империи, модерн, модернизация, трансцендентность, царство, цивилизация.*

Yu.D. GRANIN,
Doctor of Philosophy, Professor,
Leading Researcher of the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow;
e-mail: *maily-granin@mail.ru*

IS RUSSIA A SPECIFIC CIVILIZATION?

Abstract. *The article analyzes the problem of the civilizational evolution of Russia. An understanding of civilizations is proposed as large communities of people and / or their aggregates (communities), symbolically integrated into a relatively unified whole through*

historical and social imagination, cultural meanings, values and norms that serve as the cause, purpose and basis of the organization and functioning of these communities ... Civilizations, the author proves, implement different cultural and historical types of development, have a complex multicomponent structure, embody the potential of different possibilities and ways of evolution of human collectives in the past and foreseeable future in the context of world history.

By studying the formation and development of the Grand Duchy of Moscow, the Russian Empire and the USSR, the author comes to the conclusion that historically these political forms had several civilizational incarnations: the «Orthodox civilization» of the Moscow kingdom (XVI-XVII centuries), the «civilizational pseudomorphosis» of the Romanov empire in the XVIII and in the middle of the 19th century, the «hybrid civilization of the modern type» of Russia on the eve of the First World War and «Soviet civilization», which represented a type of modern development alternative to the West. Modern Russia will undoubtedly inherit it. But it is not an integral civilizational formation. Rather, it is a civilizational hybrid, intricately combining elements of the archaic, Soviet past and Western modernity..

Keywords: *state, ideology, empire, modernity, modernization, transcendence, kingdom, civilization.*

Вопрос не праздный и отнюдь не только академический. Попадая в контекст геополитических рассуждений, он обретает особую значимость. Многие западные политики, например, обосновывают многолетнее применение антироссийских санкций тем, что Россия принадлежит к иной цивилизации, а потому в принципе неспособна следовать сформулированным «Большой Европой» правилам. В свою очередь, и отечественные пропагандисты используют тезис о России как особой «цивилизации» в качестве обоснования неизбежности у нас авторитарных форм властвования («суверенной демократии»), тотальной коррупции, избыточного государственного регулирования и другой социальной архаики. Так является ли Россия особой страной, лишь «притворившейся цивилизацией», или все же она «цивилизация, притворяющаяся страной»[15]?

Понятно, ответ на эти вопросы напрямую зависит от того, как мы будем интерпретировать используемый термин. Термин, который, как и понятие «культура» (а вместе с ним и понятия «государство», «нация» и ряд других), до сих пор не имеет общепринятого содержания. Нет и общепринятой (парадигмальной) теории формирования и изменения цивилизаций: большинство исследователей, вслед за великим Фернаном Броделем, склонны рассматривать их как «долговременные исторические структуры», утверждая, что даже социально-экономические и политические перевороты и катаклизмы, смена правящих классов не меняют принципиально характер продолжающегося развития «страны-цивилизации», погруженной в «большую длительность».

Но верна ли такая точка зрения? *Может быть за время своего существования Россия «примерила на себя» несколько цивилизационных форм развития? И на ее территории, начиная по крайней мере с XVI столетия, сменилось несколько цивилизаций?* Уже постановка этих вопросов заведомо, т.е. до всяких теоретических обоснований,

[15] См.: Цивилизация, притворяющаяся страной. Ведущие западные аналитики о России: пер. с англ. М.: Эксмо, 2016.

провоцирует на положительные ответы. Они могут быть теоретически обоснованы, если мы определим «цивилизации» в качестве больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей), субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей. Изменение (формирование, развитие и гибель) цивилизаций осуществляется в ходе модернизаций и социальных революций. Последние, как показал Ш. Айзенштадт, суть основные внутренние факторы цивилизационной динамики, главным источником которой является фундаментальное онтологическое напряжение между трансцендентным и мирскими порядками жизни людей. Но это положение требует конкретизации.

Такая конкретизация была осуществлена автором в других работах[1]. Здесь же необходимо подчеркнуть: становление и изменение любой цивилизации связано с изменением ее центрального ядра – *основного народа* и его ядерной культуры, состоящей из культурных смыслов, ценностей и норм совместного проживания в одном государстве народов разной этнической, языковой и религиозной принадлежности. Воплощенная в доминантной культуре и оформленная в идеологическое целое в системе сакральных и светских идей (трансидеологии – от лат. *trans* — сквозь, через, за), формирующих картину мира, указанная совокупность (ценностно-смысловой каркас) выступает формой санкционирования цивилизации как наилучшего политического, социального и иного порядка жизни, формирует, не устраняя различий интересов и воззрений (а значит идеологического плюрализма), общее всем видение своего места в истории, представление об общности исторической судьбы и совместного проживания разных социальных групп и народов в одном государстве. Наличие развитого «государства» – то, что принципиально отличает «цивилизации» от окружающего их «варварского мира», кочевые и оседлые социумы которого характеризуются, в лучшем случае, протогосударственными формами политической организации. Именно «государство» тысячелетиями было не только необходимой *политической* (преимущественно имперской) *формой* организации в единое целое входящих в цивилизацию локальных социумов, но и важным фактором распространения собственных цивилизационных моделей развития за пределы государственных границ на значительные расстояния, оказываясь для народов иной цивилизационной принадлежности образцом существования. Начиная с XVII столетия, для многих стран второго эшелона развития таким образцом становится Западная Европа, на территории которой сформировалась *modernity – современность*, воплотившая, по мнению политических и интеллектуальных элит западноевропейских государств, наилучшую (капиталистическую) хозяйственную систему и, одновременно, передовые тип общественного (экономического, социального и политического) развития и тип общества. Эти модели в качестве образцов существования стали навязываться народам иной цивилизационной принадлежности в ходе колонизаций и завоеваний.

[1] См., например, *Гранин Ю. Д.* Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции. М.: Академический проект, 2021.; *Гранин Ю. Д.* «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 34–44.

С Россией все обстояло сложнее. Она прошла сложный путь цивилизационной эволюции, в значительной степени сохранив свою самобытность. Разумеется, трансфер знаний, техники и технологий, произведений искусства, религиозных и светских идей и идеологий, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни всегда шел в Россию и с Востока, и с Запада. Но в каждом случае имела место сложная конвергенция традиционных институциональных и духовных структур страны с образцами внешних влияний, оцениваемых и переживаемых в диапазоне от «варварства» и «инаковости» до «современности». При этом сама «современность» для многих стран ни прежде, ни теперь не была единственной и однородной. Всегда имел место эффект «переплетенных модерностей», который имеет важное значение в аспекте объяснения цивилизационной динамики нашей страны по мере ее движения к «современности». Обсуждая это движение, необходимо учитывать и реальные ограничения развития России, исторические особенности ее цивилизационной эволюции: *появления и смены на ее территории нескольких цивилизационных типов развития* как результата регулярного процесса ответов сначала сообществ и государственных образований Древней, Киевской и Московской Руси, а затем и собственно России (царской, советской и современной) на вызовы Запада и Востока, Европы и Азии. Эскизно этот процесс можно представить следующим образом.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Первый вызов, который испытала Россия – природный. По мнению Ключевского, она не могла из-за суровости природы развивать интенсивное хозяйствование и пошла по экстенсивному пути – расширению земли, единственно возможному для традиционных обществ. Но вектор и характер этого расширения начиная с X века был задан месторазвитием страны, изначально находившейся между тюркскими каганатами, западнохристианской франкской империей Карла Великого (а затем и Священной римской империей германской нации, основанной Оттоном I в 962 г) и Византией, инерцией институтов архаики и социокультурными особенностями многочисленных племен, проживавших на территории Древней Руси. По мнению некоторых исследователей, Русь середины IX – начала X века представляла собой военно-торговую корпорацию ассимилированных скандинавов с центрами на Старой Ладоге (первой столице Руси), потом в Новгороде и Киеве, откуда русы спускались по Волге и Днепру, торгуя пушным и живым товаром (главным образом славянскими детьми и женщинами) на рынках Волжской Булгарии и Византии, который затем поступал в земли Арабского Халифата. Но это, как говорится, «преданья старины глубокой». Так ли это было, доподлинно неизвестно. Важно другое.

Расположенная на водном пути «из варяг в греки» Древняя Русь X века – варварское протогосударство – «королевство городов» (Гардарики, как называли ее скандинавские наемники – варяги) фактически представляла собой «лимитроф»: пограничный пояс между странами разной цивилизационной принадлежности, в пространстве которого перемещались не только ладьи и караваны купцов с товарами и ремесленниками, но и странствующие проповедники, несущие Слово Божие из Византии, Рима, Волжской Булгарии и Хазарского каганата. Под их

влиянием уже в начале второй половины X века в Киеве, Чернигове и других крупных южных городах возникали христианские, иудаистские и исламские общины единоверцев, оказывавшие влияние на языческое мировоззрение наиболее просвещенных: «торговых людей», князей (хаканов) и их дружины. Однако официальное принятие христианства «от ромеев» и крещение в 988 г. в водах Днепра «киевских людей» было осуществлено князем Владимиром по династическим и геополитическим причинам силой огня и меча, породившей в частности, в Новгороде, Ростове, Муроме и ряде других мест массовое сопротивление славян-язычников.

Как бы то ни было, но именно после 988 г. появляется экономически и культурно сильное Киевское княжество, политический строй которого мало чем отличался от современных ей государств западнохристианской Европы. Как отмечает Ф. Бродель, «тогдашние русские города были настоящими западными городами. Киевская Русь веками славилась именно блеском своих городов, символизировавших материальное благополучие страны: в этом плане между Западом и Востоком Европы не наблюдалось никакого отставания, никакого разрыва»[2]. Более того. Обладая принятыми в то время демократическими институтами правления (вече), которые распространялись на прилегающие к ним сельские территории, первые русские города были открытыми городами, в этом походя на города античности. «Они, – пишет Бродель, – не были закрытыми сообществами, предоставлявшими привилегии только своим гражданам, какими являлись города средневекового Запада»[3], и культурно вплоть до XIII столетия им почти ничем не уступали. Правда, Киевское княжество отличалось от современных ему королевств большими размерами и заимствованной у степняков «лествичной» формой наследования удельных княжеских престолов.

Вместе с разнообразием племенного (этнического) и языкового состава «роуськой земли», с характерными для всех больших государственных образований проблемами транспортных коммуникаций, не позволявшими обеспечивать эффективное управление из одного центра, именно «лествичная» форма наследования княжеских престолов уже с середины XI века провоцировала распад относительно единого государства на отдельные родовые княжества. Этому способствовало и сосуществование православия с языческими верованиями и обрядами крестьянства, а также незавершенность ассимиляции представителей балтских, финских или тюркских племен северо-востока страны. Так что Киевская Русь в качестве относительно единого политического целого, которое некоторые именуют «федеративной империей», просуществовало недолго: от времени правления Ярослава Мудрого до правления Владимира Мономаха.

Была ли она особой локальной цивилизацией? Скудость исторических источников не позволяет сделать однозначный вывод о степени культурной интегрированности населявших ее народов и характере правовой регуляции между социальными группами. Разумеется, закон на Руси существовал – сначала в виде неписаных норм обычного права, а потом и в виде письменных кодексов («Русская правда», Новгородская и Псковская судные грамоты и др.). Но универсальным

[2] *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / пер. с франц. Б. А. Ситникова. М.: Весь мир, 2008. С. 504.
[3] Там же.

регулятором он не был, упорядочивая лишь отношения между частными лицами в ограниченном наборе типовых житейских ситуаций. На устройство самого государства и его взаимоотношения с боярско-дружинной элитой и населением закон не распространялся вообще. «Между тем в Византии, освоившей универсалистские принципы римского права, существенно иными были и статус закона, и область его применения, и процедура его разработки, базировавшаяся на развитой системе юридически-правовых абстракций. Русь, заимствуя у греков христианскую веру, византийским правом не прельстилась»[4].

Конечно, абстракция христианского Бога содержала в себе культурно-символический интегративный потенциал, позволивший значительно продвинуться по пути построения государства и создававший значительный задел для будущего развития. Но само *православие прижилось на Руси в его «русском изводе»:* превалированием принципа «благодати» над «законом» (Митрополит Илларион, XI в.), *и в качестве объединяющей всех религиозной трансидеологии в XI–XII веках еще не стало доминантой развития.* Хотя уже отделило Византию и Русь – «схизматиков» – от западноевропейского христианского мира. Последний тоже еще не представлял цивилизационного целого, но активно (в лице Польши, Литвы и германских рыцарских орденов) в начале XIII века заявлял претензии на исторически «роуськие земли». А с Востока на них надвигалась кочевая империя Чингиз-Хана, столетнее властвование улусов которой, как теперь считают специалисты, оказала не только негативное, но позитивное влияние на подвластные ей территории, обеспечив беспрепятственный транзит технических и культурных достижений центральной Азии и Китая через Киевскую Русь в Восточную и Западную Европу.

К сожалению, не представляется возможным более подробно остановиться на этом ключевом моменте нашей истории, завершившемся *созданием особой цивилизационной модели развития уже во времена Московской Руси.* Имея в качестве господствующей идеологии православие с политическими претензиями вселенского характера (Москва –третий Рим, а четвертому не бывать), Великое княжество Московское за времена византийского влияния, господства Золотой Орды и последующей эмиграции «татарских царевичей» инкорпорировало в свой состав идеи «политического исихазма», самодержавия и деспотические формы правления, легитимизировало вседозволенность власти, ограничив в правах (в разной степени) все сословия. Вместе с ними образовывалось и культурное ядро нового царства: в пространстве большой традиции формировалась впитавшая идеи византийского платонизма и гуманизма, и вместе с тем обосновавшая права Ивана III и его потомков на земли Великого княжества Литовского *русская книжность* и связанная с ней *религиозная литература* (жития, проповеди и т.п.), *иконопись* (Андрея Рублева, Феофана Грека, Дионисия).

Вместе с тем культурное движение в Великом княжестве Московском сопровождалась упрочением государственно-общинного (потестарного) способа производства, с характерным для последнего отсутствием частной собственности на землю и формированием служилой (государственной) бюрократии, управляемой из одного центра. В то время как в Западной Европе начинает утверждаться

[4] *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Новое издательство, 2008. С. 46.

западная современность (modernity), на ее восточных окраинах *возникает основанная на традициях православная цивилизация, политически оформленная в Московское царство, дискурсивно осознающая себя «наследницей Рима», «центром православного мира» на воображаемой карте ментальной географии и имеющая претензии вселенского масштаба*.

Поскольку исторически эта цивилизация оказалась отрезанной от морских коммуникаций, ее географически и политически вынужденная экспансия уже в XVI столетии осуществлялась в двух направлениях: была направлена к Уралу и за Урал (колонизация Сибири) и на Запад. Начавшиеся еще при Иване III, Ливонские войны были продолжены Иваном Грозным, завершившись для нас наступлением Смутного времени, которое с радостью и надеждой было воспринято Западом. Анализируя этот период, А. Тойнби писал: «Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе вестернизации, которую возглавил Петр Великий. Эта небывалая революция раздвинула границы западного мира от восточных границ Польши и Швеции до границ Маньчжурской империи. Таким образом, форпосты западного мира утратили свое значение в результате контрудара, искусно нанесенного западному миру Петром Великим, всколыхнувшим нечеловеческим усилием всю Россию»[5].

Разумеется, интерпретация Тойнби реформ Петра в качестве начала вестернизации России приятна русскому уху, но не соответствует действительности. Попытки «европеизировать» страну начались гораздо раньше: еще при Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче и Софье Алексеевне, то есть в XVII веке. Строго говоря, Россия того времени не была отсталой страной. Уже со времен Ивана IV существовало регулярное профессиональное войско (стрелецкие полки), вооруженное современным пороховым оружием, в том числе тульскими пушками, которые экспортировались в Голландию, малыми тиражами печатались светские книги разных жанров (сатирические и автобиографические повести, силлабическая поэзия, драматургия), издавались исторические сочинения, возникала светская живопись, при царском дворе появился театр – *формировалось культурное ядро новой православной цивилизации, которое позже будет названо «русским барокко»*.

Отмечая во многом заимствованный характер этого культурного явления, некоторые исследователи квалифицируют его появление как свидетельство интеллектуального выбора страны в пользу Европы, которое продолжил Петр I. Но надо иметь в виду, что этот выбор был сделан в пользу европейской культуры в ее, так сказать, провинциальном изводе и потому не был связан с модернизацией. Речь шла об усвоении церковно-славянской «греческой учености». Активное обращение к последней началось в период церковных реформ патриарха Никона, завершившихся религиозным расколом, деформировавшим ценностно-смысловое ядро православной цивилизации[6]. Последнее никогда не было однородным, включая в свой состав «высокую» и «низовую» (народную) культуры и традиции.

[5] *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 147.
[6] *Пыжиков А.* Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества. От 17 века до 17 года. М.: Концептуал, 2018.

Но, оно по крайней мере до второй половины XVII века было единым в срезе религиозных (православных) оснований. Хотя масштабы этого ценностно-смыслового ядра были невелики.

Географически они ограничивались территориями распространения великорусского этноса, а социально – пространствами использования разговорного старорусского языка и доминированием церковнославянского языка в церковном богослужении и письменной речи, понятного прежде всего духовенству. Остальные сословия в разной степени были приобщены к «высокой культуре»: в большей степени знать и высшее дворянство, в меньшей – дворянство служивое и низшее (провинциальное), купечество и формирующееся городское мещанство. Не смотря на расширение границ царства на Восток посредством «народной колонизации»[7], развитие промышленности на Урале, господствующим продолжал оставаться государственно-общинный способ производства, главной производительной силой которого было неграмотное многомиллионное крепостное крестьянство. Страна продолжала быть отрезанной от южных и западных морских коммуникаций Турцией, Польшей и Швецией, формируя в элитах чувство геополитической и культурной неполноценности.

Несмотря на крайне напряженные отношения с Западом, пережившим в XV – XVI веках бурный рост капитализма и эпоху Ренессанса, культурный трансферт из Европы в Россию через Польшу (Речь Посполитую) никогда не прерывался. Для аристократии и служилого дворянства Запад выступал в качестве образца для подражания, что, между прочим, порождало в этой среде удивительную реакцию на источник заимствований, получившую в социологической литературе название ressentiment (чувство ненависти, злобы и обиды). Из этого психологического состояния вырастали противоположные социально-психологические последствия – созидательный импульс, с одной стороны, и аномия, с другой. В обоих случаев происходит трансформация ценностной шкалы цивилизации – переоценка ее ценностей, но с разным знаком. В одних случаях в ментальном пространстве (менталитете) определенных социальных групп *происходит распад системы устоявшихся ценностей и норм,* ранее поддерживавшей традиционный общественный порядок, из-за ее несоответствия новым сформулированным и принятым государством идеалам (аномия). В других – использование прежней ценностной иерархии для трансформации нововведений по старым образцам. В конечном счете идет размывание ценностно-смыслового каркаса цивилизации в срезе его культурных оснований. Поэтому все попытки «европеизации» России XVII-XVIII столетий были поверхностными и, как правило, имели имитационный характер.

Имитация и формализм – очень частые родимые пятна реформирования страны, не изжитые нами и по сей день. Власть имущие думают, что, заимствовав внешние формы, назвав на европейский лад политические учреждения, можно изменить общественные отношения в стране, которая модернизируется. Собственно, склонный к театрализации и эпатажу, Петр I начал именно с этого – перемены платья и бритья бород. Но он, и это важно, не собирался реформировать всю Россию по европейским лекалам, вплоть до конца жизни у него даже

[7] Подробнее о феномене «народной колонизации» см., например: *Лурье С. В.* Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1997.

не было сколь-либо продуманного плана действий: «Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни... у него начинается высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень немало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности»[8]. Относясь к Западу с недоверием, он заимствовал из багажа модернити (во многом формально) лишь одно «политическое изобретение» – структуры госуправления «камералистского государства»: десять по-шведски устроенных коллегий и Сенат, в которых при его жизни процветали ожесточенные раздоры и казнокрадство. Кроме них были заимствованы формы организации промышленного производства (мануфактуры), армии, флота и что очень важно – модерная форма организации научной деятельности и образования – Российская Академия наук и художеств.

Но Петр не собирался проводить социальную и политическую модернизацию империи, превращать ее в правовое демократическое и, что важно, национальное государство. Это собирались сделать Екатерина Великая, не единожды пытавшаяся дезавуировать созданный иностранцами нарратив «варварской России»[9], и еще более – Александр I, реформа которого по проекту М.М. Сперанского была приостановлена запиской Н.М. Карамзина «О древней и новой России», в которой историк предупреждал против механического заимствования европейского опыта, могущего подорвать самодержавие. И для этого были свои резоны. Дело в том, что «признание за народом верховной власти и признание глубинного равенства разных слоев народа, составляющие сущность современной национальной идеи, в то же самое время являются главными принципами демократии. Демократия родилась с чувством национальности. Демократия и национализм внутренне связаны между собой, и их нельзя полностью понять в отрыве от этой глубинной связи. Национализм был той формой, в которой демократия впервые явилась миру, спрятанная в идее «нация», как бабочка в коконе»[10]. А термин «нация» не только в дипломатической переписке и официальных деловых документах, но даже в документах «тайных обществ» конца XVIII – начала XIX века встречается редко, сохраняя отчетливый оттенок чужеродности, «иностранности» вплоть до второй половины XIX века[11]. И не случайно.

Аналогом европейских представительных собраний в России XVI – XVII столетий были земские соборы и боярская дума, которые затем были упразднены Петром, подчинившим церковь государству и взявшим курс на европеизацию не общества, а российского дворянства и формирование космополитичной

[8] *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Сочинения: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 191.

[9] Об этом, в частности, свидетельствует, ее полемика с книгой аббата Шаппа д'Отероша «Путешествие в Сибирь», ставшей предметом спора в европейских интеллектуальных кругах конца 1760 — начала 1770-х годов. Императрица ответила на неприглядный образ России своим двухтомным «Антидотом», написанным по-французски: «Antidote, ou Examen d'un mauvais livre superbement imprimé, intitulé Voyage en Sibérie» (1770), в котором опровергла все инсинуации аббата в адрес «варварской России». Подробнее об этой полемике, проясняющей специфику двух подходов (русского и европейского) к определению границ между цивилизацией и варварством, см.: Императрица и Аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / Пер. с фр. О. Павловской. М., 2005.

[10] *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. С. 14.

[11] Подробнее см.: *Миллер А.* История понятия «нация» в России (От Петра I до Крымской войны) // Вестник российской нации. 2015. № 1. С.115–137. Эта статья дополняет статью «Понятие "нация" в постсевастопольской России» (Вестник Российской нации. 2014. № 6. С. 189–208).

имперской правящей элиты из иноверных иноземцев. Тем самым, несмотря на появление газет, журналов и Московского Университета, разрыв между русской «народной культурой» (не говоря уже о десятках других) и «высокой культурой» правящего слоя к концу XVIII столетия был не сокращен, а увеличен. Да и сама, представленная в столичных салонах, так называемая «высокая культура» знати была лингвистически гетерогенной, являя собой «смешение языков: «французского с нижегородским». А действительно свободных людей в России фактически не было. «Вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я, – писал в 1802 году в «Отрывке о Комиссии Уложения» Сперанский, – нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые являются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»[12].

Цивилизационная модель, по которой жила империя весь XVIII век, фактически, если воспользоваться термином Шпенглера, представляла собой «псевдоморфозу» – причудливое сочетание европейских форм жизни и с неевропейским смысловым и ценностным содержанием (унаследованным от Московской Руси), влагаемым в эти формы плохо образованным провинциальным чиновничеством, духовенством, городским мещанством, купечеством и мелкопоместным дворянством. Была ли эта классическая для многих стран второго эшелона развития псевдоморфозная модель социокультурной эволюции органичной для царской России? По-видимому. В любом случае многомиллионные разноязыкие, поликонфессиональные и неграмотные народы России находились вне ее центрального «культурного ядра»: их самосознание строилось на основе многочисленных архаичных местных и региональных (этнических) идентификаций, а само *русское* «культурное ядро» только начинало формироваться в первой половине XIX столетия по мере осознания Романовыми себя «великороссами» и под влиянием исторических сочинений (Татищев, Карамзин), деятельности славянофилов, русского литературного языка и литературы, журнального дела и системы светского начального и высшего образования. Все это привело к появлению российского «имперского национализма»[13].

Однако российский государственный (имперский) национализм принципиально отличался от современного ему европейского национализма, который, по мнению Ю. Хабермаса, пытался связать национальную более абстрактную форму общественной интеграции с демократическими структурами принятия политических решений[14]. Но последних в империи Романовых не было. В отличие от государств Запада, имевших «договорной» характер, государство российское продолжало оставаться властьцентричным образованием, в котором традиции (в том числе и политические) превалировали над современностью. Поэтому взамен политики национализма европейского образца в николаевской империи, на фоне исключения понятия «нация» из всех официальных документов и журнальных статей, была провозглашена доктрина официальной народности, при-

[12] *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.–Л., 1961. С. 43.
[13] Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб.: Экспертные решения, 2014.
[14] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 267.

знававшая деспотию и рабство атрибутами православной России. Она усиленно формировалась после того, как 25 января 1831 г. польский сейм от имени польской нации детронизировал Николая I. «Да, - признавался Николай I, - деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации». Ему вторил министр образования граф Уваров, считавший лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» «политической религией России»: «У политической религии, как и у веры в Бога, есть свои догматы. Для нас один из них крепостное право. Оно установлено твердо и нерушимо. Отменить его невозможно, да и ни к чему»[15]. А кроме этого, высказывалось и такое соображение: «Приняв химеры ограничения власти монарха, равенства прав всех сословий, национального представительства на европейский манер, мнимо-конституционной формы правления, колосс не протянет и двух недель, более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены»[16].

Разумеется, этого не случилось и спустя полвека. Цепляясь за имперский принцип госстроительства и будучи по существу даже не классической империей (с характерным для нее космополитизмом: civic Romanus – гражданин всего культурного мира), а просвещенной деспотией, Россия так и не смогла стать европейским унитарным государством, способным организовать общее политическое, культурное и информационно-коммуникативное пространство для равноправной жизни своих народов. И это принципиальное обстоятельство ежедневно и ежечасно рождало противодействие официальному национализму империи – этнический национализм многочисленных народов, стремившихся к разнообразным формам самоопределения в составе царской России. Так, в середине и второй половине XIX века в стране *складывается своеобразная великорусская государственная идеология, дополненная идеями «великой державы» и миссией панславизма.*

Частично заимствовав из Европы системы организации науки и образования для дворян и части мещанства, европеизировав лишь очень узкий слой российского дворянства, импортировав в империю немало европейских ученых, Россия вплоть до второй половины XIX столетия по существу оставалась неграмотной и псевдоевропейской страной, опиравшейся в своем развитии не на социальные инновации, а на традиции. Собственно модернизация начинается в России с реформ Александра II, который ввел общедоступность и внесословность начального образования, самоуправление университетов и многое другое. Именно тогда Запад становится для России образцом развития, идея приблизится к нему – догоняющей моделью модернизации, индустриализацией, капитализмом – целью, которую надо выполнить.

За исключением демократизации политической сферы общества и формирования «нации», в начале XX века эта цель была достигнута: Россия твердо стала на путь капиталистического развития, сопровождавшийся появлением новой социально-классовой структурой общества, нового специфичного для России социального слоя – «революционной интеллигенции». Тогда же, к концу XIX – началу XX века завершается формирование «культурного ядра» новой *российской*

[15] *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. 1826–1855. Спб., 1918. С. 42.
[16] *Миллер А.* История понятия «нация» в России (От Петра I до Крымской войны) // Вестник российской нации. 2015. № 1. С. 130.

цивилизации модерного типа, давшей миру великую русскую поэзию и прозу, великую музыку и живопись, великую науку, архитектуру и балет. Но поскольку многомиллионное русское и инородческое крестьянство, практикующее архаические формы жизни и мысли, составляло подавляющее большинство населения империи, эта цивилизация имела гибридный характер. Она двигалась навстречу «Большой Европе». Но ее ценностно-смысловой каркас не был единым: он включал в проективный трансцендентный план наличного бытия социально-политическую *утопию*, не сводимую лишь к уже явленным Западом прогрессивным (капиталистическим и буржуазно-демократическим) формам жизни, а предполагающую выход за их пределы в пространство другого модерна, выраженного многоликим художественным авангардом и политическим футуризмом.

Последний в лице большевиков, эсеров и анархистов предлагал безжалостно уничтожить эксплуатацию, частную собственность, классы и буржуазное государство, мешающие народам обрести «новый мир». «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем, мы наш, мы новый мир построим...» – с этим кредо большевиков (и не их одних) были солидарны не только представители литературного, театрального и художнического авангарда, но и многомиллионные массы рабочих и крестьян. С их согласия и благодаря их поддержке *Россия открыла эпоху альтернативного модерна и альтернативной истории, реализуя новый тип цивилизационного развития* с новыми, и как теперь ясно, невыполнимыми, но восходящими к идеалам Просвещения задачами: воспитанием нового человека и построения новой исторической общности – советского народа. На обломках царской империи *возникла империя нового типа* – советская империя «положительной деятельности»[17], которой за короткое время удалось создать новую «советскую цивилизацию», основанную на административно-командной государственной экономике и однопартийной системе.

***

К сожалению, рассмотреть в статье подробно все перипетии и просчеты формирования этой цивилизации автору не представляется возможным[18]. Но надо сказать несколько слов о стратегии формирования новой политически интегрированной исторической общности. В русле ее формирования происходило стирание территориальных границ компактного проживания этносов (изменение границ территориальных и национально-территориальных образований), различий в социальной стратификации населения (коллективизация, индустриализация), увеличение миграционных потоков (в том числе за счет насильственного переселения) и, конечно, формирование общего относительно гомогенного культурного, образовательного и информационно-коммуникативного пространства Советского Союза. Формально это открывало возможность решения «национального вопроса»: формирования «советского народа».

Важная, а быть может, и ведущая роль в этом процессе отводилась архитектуре, литературе, музыке, театру, кино, печати, радиовещанию, а позже телевидению.

[17] *Ливен Доминик*. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007.

[18] Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Цивилизационная специфика советской и современной России // European Journal of Philosophical Research. 2019. 6 (1). С. 40–53.

Начиная с 1918 г. по всей стране возводились (иногда на прежних постаментах) памятники и монументы новым вождям, героям революции и «людям труда», были созданы шедевры киноискусства «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Петр Первый», «Александр Невский», «Нахимов»... Вместе с великой прозой А. Н. Толстого, М. А. Шолохова, К. А. Федина, поэзией В. В. Маяковского и А. Т. Твардовского, советским песенным искусством они *создавали новое ценностно-символическое поле,* в котором теперь оказывалось и новое «государство рабочих и крестьян»: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не только убивать, но и добровольно умирать. Границы этого символического поля неуклонно расширялись: государство искало и создавало свои исторические корни, постепенно включая в пантеон исторической памяти выдающихся царей, полководцев и борцов «за народное дело», великих ученых, художников, прозаиков и поэтов, составлявших с точки зрения власти гордость *нового Отечества,* слава и мощь которого многократно увеличились после войны с гитлеровской Германией, не случайно названной Великой Отечественной, «священной» и «народной» войной.

Надо заметить, что войны вообще, и тем более войны победоносные, играли важную роль в формировании и эволюции всех цивилизаций и наций. Защищая нацию, государство формирует у своих граждан *национальное* самосознание; в результате происходит ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических. Для обретения идентичности необходима дифференциация по принципу «мы – они», невозможная без формирования стереотипов и идеи превосходства. Превосходство нуждается в подтверждении, а стереотипы способствуют демонизации других в качестве врагов. Поэтому, например, монументы и могилы Неизвестного солдата являются культурным источником патриотизма, укрепляют общенародное единство, создают новую ответственность уже ушедших, кто превратился в памятники-символы: с их помощью страна, даже совершая ошибки, на самом деле всегда остается права. Разумеется, эта *новая ответственность и общая историческая память* должны были быть подкреплены и закреплены идеологически, информационно и культурно-лингвистически через государственную систему образования.

В значительной мере к середине 1960-х это было сделано. Тогда же, в период оттепели, появилась возможность реформировать экономическую и политическую системы страны: обсуждалась возможность нового издания нэпа и построения «социализма с человеческим лицом». Но эта возможность была упущена. А экономическая нестабильность и падение уровня жизни большинства населения трехсотмиллионной страны делали явным несоответствие действительности «мирских порядков» трансцендентному коммунистическому идеалу, который, вместе со стареющим руководством КПСС и «героями революции» чем дальше, тем больше становился объектом массовой критики в частушках и анекдотах. «Низы не хотели» больше так жить, а «верхи не могли» их понять, предложить и провести системное реформирование социализма. Мало того.

Национально-государственное устройство СССР и неоднородность его этнического состава объективно провоцировали неустойчивость государства. В составе СССР находилось множество этнокультурных территорий, население которых жило по своим собственным, уходящим в глубокую древность законам, сохранив-

шим традиционные социально-политические институты, которые не только приспосабливались к модернизации общественного уклада, но и его приспосабливали к своему облику. В итоге, столкнувшись сопротивлением многочисленных республиканских этнобюрократических элит и руководства СССР, экономическим давлением Запада, навязавшего стране гонку вооружений, Советский Союз распался. Распалась и мировая система социализма. А вместе с ними канула в лету и «советская цивилизация» с ее идеей глобального превосходства и идеологией построения коммунизма.

***

Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее нет не только объединяющей народы трансидеологии, но и государственного мессионизма, претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она, как и в начале XX века, представляет собой цивилизационный гибрид, причудливо (а иногда уродливо) сочетая элементы архаики, советского прошлого и современности. На первый взгляд, такими же характеристиками обладает и современный Китай. Но ценностно-смысловой каркас этой цивилизации не эклектичен, а целостен. Он замыкается в контур, граница которого очерчена восходящим к идеям Дао (пути) конфуцианским философско-религиозным мировоззрением (с ключевой для него идеей соответствия небесного и земного как упорядоченной целостности) и соответствующим ему рационализмом. Основанный, по-видимому, не на субстанциальной, а на процессуальной логике, определяемой спецификой языка, этот конфуцианский рационализм вырастает не из характерного для Европы базового противоречия между трансцендентным и мирским порядками (Ш. Айзенштадт), а из идеи их *гармонического соответствия*. Отсюда особая китайская *стратегия жизни как эволюции,* предполагающая поиск не лобового, а обходного пути, поиск компромисса и иносказания как основного принципа политического действия и дипломатии[19].

С этой стратегией корреспондирует представление о китайском народе как большой семье (что сближает Китай со странами Северной Европы) и государстве как поднебесной империи, не случайно названной после 1949 г. «срединной цветущей страной всеобщей гармонии народа». Поэтому социалистический период Китая рассматривается элитами и большинством населения как продолжение великого пути, а однопартийность – как историческая форма естественной иерархичности общественного устройства.

Совокупность этих представлений является основой идентичности китайской (ханьской) нации. Последняя уже давно выстроена на основе не столько гражданско-политического, сколько культурного единства. А мы, потакая республиканским этнонационалистам, не единожды торпедировавшим идею «российской нации», уповаем на гражданский национализм, не уделяя должного внимания формированию социокультурного единства народов России и проектированию ее будущего.

[19] *Жюльен Ф.* Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции / пер. с франц. В. Лысенко. М.: Московский философский фонд, 2001.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В горизонте этого проектирования российским Центром стратегических разработок (ЦСР), предлагается, отказавшись от всеобъемлющей программы модернизации, сделать акцент на формировании *новых институтов* развития: так называемых переходных институтов, призванных обеспечить трансформацию «естественного государства» в «государство открытого доступа» к политическим и экономическим ресурсам[20]. Но этого недостаточно. Помимо формирования новых правил (институтов) социального и государственного управления необходима большая культурно-идеологическая работа по обновлению ценностно-смыслового каркаса России, его наполнению новыми смыслами. В настоящее время он ориентирован в прошлое – там в великих победах наша страна ищет (и находит!) оправдание своего нынешнего положения, своей «суверенной демократии» и другой цивилизационной специфики. Но в карете прошлого далеко не уедешь. Необходимо создание и внедрение новой жизнеспособной идеологии будущего. Эта идеология должна вести вперёд, быть привлекательной для большей части внешнего мира и одновременно способной мобилизовать население на реализацию большого социального проекта: построение социального государства нового типа – государства всенародного благосостояния, солидарности, справедливости и реального гуманизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2008.
2. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / пер. с франц. Б. А. Ситникова. М.: Весь мир, 2008.
3. *Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Гранин Ю. Д., Лебедев С. А.* Научный метод: история и теория // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 213–217.
4. *Гранин Ю. Д.* Национальное государство и самоопределение наций // Свободная мысль. 2003. № 9. С. 67–82.
5. *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Сочинения: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 191.
6. *Ливен Д.* Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007.
7. *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дм. Буланин, 2014–2015.
8. *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.–Л., 1961. С. 43.
9. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории: сборник: пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.
10. Цивилизация, притворяющаяся страной. Ведущие западные аналитики о России: пер. с англ. М.: Эксмо, 2016.

Поступила в редакцию 23 февраля 2021 г.

[20] *Аузан А. А., Авдиенкова М. А., Андреева Д. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А., Бутаева К. О., Вебер Ш.* Социокультурные факторы инновационного развития и имплементации реформ. М.: ЦСР, 2017.